

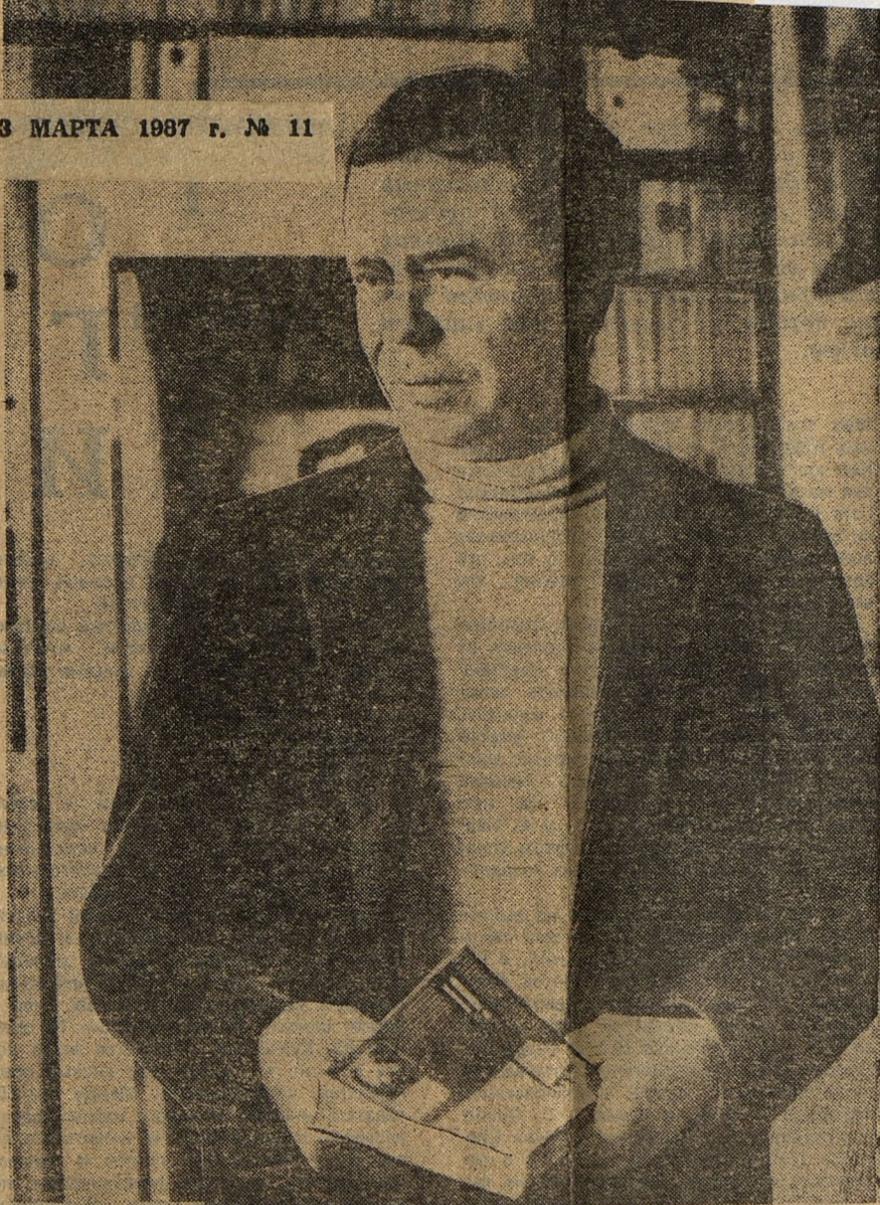
Распутин В. В.

13/III-84

Виктор АСТАФЬЕВ

«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ» 7 13 МАРТА 1987 г. № 11

СОСТРАДАНИЕ

К пятидесятилетию Валентина РАСПУТИНА

Трудно, невероятно трудно писать о близких твоему сердцу людям, особенно о друзьях. Видимо, настоящая дружба не нуждается в словах. Она — в чувствах, в поступках, в сострадании, наконец. Друг не тот, кто кричит о сделанном добре и помощи, друг тот, кто эту помощь оказывает, не требуя за нее награды, ибо награда ему — ответная любовь и способность к взаимному самопожертвованию.

Я и не заметил, почти не заметил, как Валя Распутин оказался Валентином, а теперь вот и Валентином Григорьевичем. Все помнил его круглолицым, вроде бы и с румянцем, с юношески округленными бровями и юношеской же, даже скорее подростковой, фигурой, подобранной, как бы стяннутой опоясочной-кушаком. И вдруг однажды, совсем недавно, увидел широко в крыльцах, крепко рубленого, осадистого сибирского мужика с чуть качающейся, косолапающей походкой, знакомой мне с детства.

Много таежных троп истоптал тот, кто передал сибирякам эту тяжеловатую походку, много мешков перетаскано на горбу: с орехом, с мясом, с рыбой, с хлебом. Крепленая кость! Трудом крепленная, трудом, начатым в детстве, пашенным, земляным и таежным. И характер оттуда же, из таежной деревенской дали, когда руки делают, голова думает, а слово берется для полезного употребления и не всуе молвится: «Фили, что молчаливый? — А об чем говорить!»

Годы, годы! К себе применительно они проживаются то длинно и нудно, то полетят, помчатся и мелькают в каком-то круговороте, теряются без следа, одно лишь сожаление о них часто и остается. Но как же жаль лет и дней, пролетающих у того, кого ты видишь не часто, но чувствуешь рядом, в сердце. Какая-то растерянность, беспомощность, даже жалость охватывают порой. Себя-то ведь не видишь, чаще зришь и ощущаешь только по детям своим и младшим братьям: гляди-ка, и они когда-то успели!

Вот уже и со времен Читинского семинара минуло более двадцати лет, того самого семинара, который открыл и ввел в литературу целую дюжину молодых

(по годам, а не по анкетам) писателей, тех, что не просто придут «отметиться» и канут куда-то, нет, этим писателям дано будет вдохнуть в наше русское слово бодрящую силу, создать или помочь сформироваться целому направлению в ней, заметно повлиявшему и до сих пор влияющему на развитие отечественной культуры.

Среди той дюжины был почти еще никому, кроме сотоварищей по университету и работе в молодежной газете, не известный Валентин Распутин.

Мы частенько посмеиваемся над «дамочками», которые незаметно и бескорыстно копаются в рукописях, сидя где-нибудь в уголке или в тесной прокуренной комнатке издательства или журнала, и, как курицы, роясь в навозе, отыскивают то самое знаменитое «жемчужное зерно». Найдя его, так ли они кудхтают, так ли радуются, так ли бегают по «творческим» коридорам, осаждая начальство предложениями и просьбой «послушать», «включить», «напечатать», и как можно скорей, а получив «отлуп», и поплачут иногда в своем уголке, чаем обиженного и обиденного автора напоят, трояк ему сунут из махонького кошелька, куда без натуги вмещается вся редакторская зарплата. И без устали, со вредом для здоровья, будут «бороться» за своего автора, иногда доходя до сердечного приступа и даже до смерти...

Я много их, таких вот «дамочек», знал и знаю по столичным и периферийным издательствам, а написал про Сырочкасову. Обещаю в ближайшее же время исправиться!

Так вот, «дамочка» из издательства «Советская Россия» налетела на меня пухом на гостиничной лестнице и бумаги сует: «На вот, на! Почитай...». А я ей говорю: «У меня этих рукописей куча на столе лежит со своего семинара, у меня от них уж башка трещит, и ты тут еще с какими-то «варягами...» «Нет, ты почитай! Почитай!» — и папку с рукописью вся-таки сунула.

В папке оказалась повесть «Арка» Геннадия Машкина, которая мне очень понравилась, можно сказать, в восторг меня забила. И рассказ Валентина Распутина,

который мне совсем не понравился, хотя автор и был моим земляком и я заранее к нему был благожелательно расположен как читатель. Рассказ тот автор не включает в переиздания, не хочет, видимо, о нем помнить, и я его называть не буду.

А ведь неплохо, можно сказать, даже хорошо, скорее ловко был построен и написан рассказ-то. Из разряда тех «художеств» был он, что в насмешку звались когда-то в народе — «сверхпатриотизма», — это когда мужику защемят в притворе двери причинное место, а он вместо того, чтобы караул кричать, исполняет «марш энтузиастов».

К поре Читинского семинара я так читался оптимистически бодрой литературы, сам ее, работая в газете и на радио, столь много произвел, что, уж и талантливо написанная или изреченная, она во мне ничего, кроме чувства отвержения, не вызывала.

И по этой причине ничего я больше у Распутина не читал, вплоть до встречи в одной редколлегии и напечатания «Последнего срока» на страницах журнала «Наш современник».

Я был не просто поражен, я был потрясен стремительностью роста автора этой грустной и очень честной повести и обрадован тем, что автор не пошел по отчетливо намечившемуся пути, куда его охотно подталкивали после первой книги, изданной в Красноярске. Двинулся он даже совсем наоборот и в сторону от ложно-романтического течения, где несколько его ровесников вот уж много лет гребутся на утлом челнах среди замутненного потока и ни к какому берегу прибиться не могут.

Немедленно прочел я и «Деньги для Марины», и «Вниз и вверх по течению» и обрадован был тем, что Распутин правится не куда-нибудь, а устремлен «к себе», и сам не только рулит челном своим, но и течение для себя создает, избрав самый трудный и самый почетный путь, имя которому самостоятельность. Я нарочно употребляю это слово из крестьянского обихода, заменив им залитературное слово — самобытность. И до сих пор по сибирским деревням, если хотят похвалить хозяина, говорят: «Мужик самостоя-

тельный», — вкладывая в это слово про-

стой, но истинно глубокий, важный смысл. Вале, Валентину, Валентину Григорьевичу Распутину — полвека! Много говорилось и будет сказано хороших слов юбиляру. И он их заслужил, заработал и как писатель, и как гражданин Отечества нашего.

Я же горжусь тем, что моя родная Сибирь, реализуя свой могучий потенциал, вложила все лучшее, что в ней накопилось, в достойное дитя свое, во вмести- тельное и мужественное сердце. Насколько хватит его, этого сердца, тихо любящего и могуче бьющегося в борьбе за лучшее в нас, за чистоту душ и помыслов наших, за спасение земли нашей, в осознанности за родной сибирский край? Хотелось бы, чтоб хватило сил и сердца большого художника как можно надольше. Земля, Сибирь, все мы — его друзья и товарищи, земляки и многочисленные во всем мире читатели — единым выдохом готовы пожелать ему: «Многая лета».

Всегда помню и никогда уже не забуду его глаза. Что-то недореченное, недовыраженное таится в глубине их. Какая-то постоянная, бездонная грусть светится во взгляде, будто постиг он или приблизился к постижению неведомого еще людям страдания и готов пострадать за них и покаяться, облегчить их долю и жизнь, принявши всю боль земную, все тяготы человеческие на себя. В недавних рассказах «Наташа» и «Что передать вороне?» — это каким-то непостижимым, для меня во всяком разе, образом нашло свое отражение, как будто подсознанием угаданное провидение, пророчество ли, почувствованное им, выразилось в обычном слове, на обычной, белой бумаге.

Ах, как трудно и почетно быть на Руси писателем! Настоящим. Ему всегда и всех больше. Он от века обречен на мучение и подвиг духа, на совесть, взыскующую добра, на вечное стремление к идеалу. И, сжигая себя в муках творчества, в борьбе со словом и за слово, он обречен страдать больше всех и за всех, живущих на земле.

КРАСНОЯРСК

ФОТО В. ШАГОВА